

**Осень ветра
(2000)**

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«Осень ветра» – четвертый сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

Из аннотации к книге: «Раздумчивость, одушевлённость внешнего мира, время, исподволь смещающее акценты, смятённость и печаль души человеческой – не надо долго приноравливаться к стихотворным текстам Алексея Горобца, чтобы ощутить подлинную поэзию.»

Стихи, вошедшие в данный сборник, написаны зрелым человеком, глубоким мыслителем, сформировавшимся поэтом. Однако на общем фоне творчества Алексея Горобца этот сборник всё же является этапным на пути к ярким вершинам созданной им и любимой многими читателями поэзии.

В данном сборнике философской лирики А.Горобец развивает основную тему своего творчества – осмысление жизни, человека, Бога и Богом данного человеку бытия, пропущенное через созерцание поэтом окружающей его действительности.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

Ветер
Листает лежалые листья,
Перечитывает их воспоминания.
Вслух, негромко
Читает их сиротскую лирику.
Ворошит сено в примятом стогу:
Вместо золотой иголки –
Ржавый гвоздь.

Прелый запах увядшего лета,
Бездомной любви.

Осень ветра.

* * *

Что наша жизнь?
Игра?..
Вот тут-то
И начинаются труды,
Когда нам шахматный компьютер
Судьбы
Раскручивает круто
Свои забойные ходы.

И тень беды,
И страх цейтнота...
Замри!
Чтоб в некий тайный миг,
Вдруг осознав свою свободу,
Нелепым, нелогичным ходом
Поставить
Чудище
В тупик.

* * *

Предзимье,
Сумрак, мятая листва.
Забеленные инеем афиши.
Часовня,
Для станичного престижа
Достроенная к празднику едва.

И утренняя вялая борьба
С сырым движком,
Что сам себя не слышит,
С липучей колеёй...
Но ты простишь их,

Чтоб, свято веря в «Метео-ТВ»,
«Чулок» приладить к лысой голове,
Поставить чайник

И придвинуть стол,

И, досмотрев последние известья,

Опять со всей
Страной родною вместе
Хвататься
За привычный валидол.

* * *

Сосед свою худую клячу
Отвёл на мясокомбинат.

С чего это коровы плачут?
О чём козлы в хлеву судачат
И куры – квохчут и молчат?..

Вздохнуло под ногами сено,
Упав с телеги на бетон.
К утру отголосил сквозь сон
Петух – дворовый баритон.
И снова бrenно всё и тленно.

И гаснет лето постепенно.

А там и осень впопыхах
Промчится с ветром в рукавах
Над лесом – жёлтым оборванцем...

И ливни-вегетарианцы
Забьются в обморочном танце
Внизу,
На пойменных лугах.

* * *

Закат закинул в небо тонкий невод
Сквозных, едва заметных облаков.

И летний запах мяты, сладкой репы,
Смородины, крапивы, курослепа,
Мордастых краснопёрых буряков
Вдыхает осень – жадно, глубоко...

И на душе легко и высоко,
И ласточки летают возле неба.

* * *

Такая нынче мода – страус.
Перо и мясо. И яйцо.
А я, дурак, понять стараюсь –
Каким вас ветром занесло

Сюда,
Где холода и вьюги,
Тоска и росы до зари!..
Что, лупоглазый? Говори!
Но голенастые зверюги
Не отвечают, хоть умри.

Глаза и хлипких два крыла.
И тесный мир в кошаре старой.
Их обменяли на отару
Овец – такие вот дела.

И у затоптанной межи,
В заморском грязном оперенье,
За невысоким ограждением
Они толкутся, как бомжи.

И сиротливо тянут выи –

К тебе,
Нелепая Россия...

* * *

Задождало в моём переулке.
Освинцовел тяжёлый рассвет.
Отменил все рыбалки-прогулки
Непогоды верховный совет.

Отдохнём!..
Да и много ли смысла
Рыть червя,
Ладить снасть в гараже,

Оступаться на козьем драже

И рыдать –
По раздетой уже,
Безрассудной,
Блистательной мысли,
Не признавшей тебя вообще!

По её непутёвой душе,
Улетевшей, где солнце и брызги.

* * *

Снег погрузнел
И как-то погрустнел.
Засуетились наверху сороки.
И ветер ночью рассекретил строки
Из перечня ближайших срочных дел.

Подмокший воздух на плетень слетел.
Патлатый пень очнулся и вспотел.
И в банном венике вдруг забродили соки.

А клён, что всё маячил у дороги,
Ссутулился,
Поник
И поседел.

* * *

Ничем нам эту слякоть не пронять!
Занудливо, пространно, многословно
Талдычит дождь
О нашем счастье, словно
Ещё не всё успели мы понять,

Не обо всём забыть
И помолчать,
И разойтись почти что полюбовно...

Река и дождь, и вымокшие брёвна,
И прошлое, где нам не гостевать.

* * *

Вопит козёл в сарае, строит рожи
Сквозь щели, явно хочет в огород.
Ему, козлу, солому жрать негоже.
Ему капуста больше подойдёт.

Или хотя бы эти вот газеты,
Что под дверями свалены теперь.
А в огороде – нету счастья, нету!
И зря козёл, взыскавшийся до свету,
Стучит рогами и молотит в дверь.

И зря он голосит и строит рожи,
Крушит и рушит хилый мой сарай.
Зачем козлу капуста, если можно
Газеты жрать,
Мечтать о невозможном

И ждать в хлеву,
Когда наступит рай.

* * *

Земля страдала жаждой,
Ну а в зиму
Она перестаралась, упилась.
По огородам – вздыбленная грязь
В густой болотной жиже.
Нестерпимо!

Большак грунтовый уплывает мимо
Тяжёлой техники,
Застрявшей на полях.

И тучи – с мокрым снегом на паях –
Слетают вниз,
Слепят, сгущают страх
Перед обочиной,
Расквашенным кюветом.

Смычком ветров струна весны задета
Была. Но вдруг оборвалась.

И мы всё глубже ощущаем связь

С дождями, небом,
Придорожным ветром,
С обочиной, что повязала нас...

И месит грязь
Твой взмыленный КамАЗ,
Клянись в любви
К земле и белу свету.

Но некому уже поверить в это,
И зыбко время, и неровен час...

* * *

В канаве бродит живность.
Индоутки.
Вразвалку, по колючкам, босиком.
Дворняг дворовый
Вякнет ради шутки –
И вмиг
Тяжеловесные малютки
С разгона – в небо,
Спринтерским рывком.
И с воплями – вперёд,
Через заборы,
По огородам – и в родной сарай.

Что делать! –
Время хлещет через край
И завершает с поры-разговоры
О генно-инженерных чудесах,
Мутантах, клонах, инопланетянах,
Апокалипсисе
И этих чужестранных
Страдалицах,
В чьих шёлковых глазах
И свет, и прах,
И тот извечный страх,
Что носим – и уносим – мы с тобою...

И нет для нас компьютерного сбоя,
И свет земной витает над землёй,

И оседает пыль, и кружат листья,

И мой дворняг о жизни поразмыслив,
Спит у калитки
К миске головой.

* * *

Взлетает снег,
И, покружив нелепо,
На землю возвращается опять.
Провисли провода на старых ЛЭПах,
Друг друга перестали узнавать.
Белым бело...

А где-то в подсознание
Остылой, обесцвеченной земли
Всё теплится оставленная нами
Мучительная,
Медленная память –

Всё о любви,
О той земной любви,

Что так легко мы погубили сами.

* * *

Кривые тени, мошек суетня,
От копоты свечной вылазят очи.
Свет вырублен опять – и злобу ночи
Преумножает эта злоба дня.

Нам возвращён (доехали, привет!)
Родной лучины несказанный свет.

А хитрый дед
Средневековых хайку,
Японский бог трёхстишия – Басё,
В чаду свечи опять тебя несёт
К пруду, под сакуры,

И всё бормочет байки
Об очаге остывшем, о сакэ,
О мерине, с куста сжевавшем розу,
О белой при луне Кубань-реке...

И, отгоняя копоть, сплюнув слёзы,
Захлопнуть книгу старого Басё,
Задуть свечу, закрыть глаза
И слушать

Адажио балдеющих лягушек,
Где о тебе –
И ничего, и всё.

* * *

Смешно, наверное,
Но праздник мой таков:
Окрестный мир лепить себе из слов.

Назвать,
Означить всяческую разность,
Любовь-и-кровь
И прочие дела,
Дорогу, что туда и привела,
Куда Макар телят,
Где вкось и вкривь
Нагроможденье выброшенных рифм
И стародавний сор и непролазность.

Но пахнут сеном кизяки-слова,
Скворчит сверчок
И во дворе трава,
И как всегда, права несообразность:
Смахнув с ресниц невыплаканный смех,

Вдруг видишь всё
И понимаешь всех.

* * *

Домушной крысой по карнизам
Крадется ночь.
И телевизор –
Неугасимый наш очаг –
Подъемлет свой победный стяг.

На стенах – бденье светотеней.

День отключился, день иссяк.
А времени – всего пустяк
Для обобщенья передряг
И постиженья обобщений.

Ну что, каких ещё побед?
Давно забыт, затоптан след
Глушилок, кухонных бесед,
Газет, призывов, партсобраний.

И хлещет клиповый сироп
Крутых реклам,
Попса нон-стоп...

И жизнь, как крыса в чемодане,
Визжит и расшибает лоб.

* * *

Через худой забор без всякой
Опаски, ночью, даже днём,
Приходит некая собака
С моим обедать кобелём.

А тот рычит – свирепо, люто!
Но, выслушав собачий плач,
Свой небогатый постный харч
Разделит с нею.
И в минуту
Пустеет миска.
Все свободны!..
И пёс – обманутый, голодный,
Скулит – зовёт меня во двор.

И мы с ним долго обсуждаем
Проблемы шалаша и рая,
Таскаем цепь свою вздыхая,
И метим походя забор...

* * *

Стихает,
Вязок и липуч,
Закатный свет –

Кровотечение
Вконец измученного дня.

И снова – полупримирие,
Пожар без дыма и огня,
Знобливый кашель зимних туч
И старый дождь, что в окна дышит.

Ночами нам ясней и ближе,
И нестерпимей злоба дня.

И мы потерянно зовём
Всё, что так истово, вдвоём,
Гоня коней, ломая дышла,
Губили – и сгубили – днём.
Свою любовь...

И третьим лишним
Вздыхает утро, еле слышно,
Дымясь в проталинах,
В воде,
В густой весенней черноте.

* * *

Какие злые, муторные дни!

Мы устаём от шума, болтовни,
От телевизионных посиделок,
От голубых,
От красных и от белых,
От жажды проучить и замочить,
Засникерснить,
Зачистить, зачечнить,
Заобналожить,
Вырубить все краны,

И, вывернув дырявые карманы,
Жалеть себя,
Ивана-дурака...

Какие злые, жалкие века!

* * *

Костёр трещит,
Обугливая хворост,
Ведёт свой хаотичный звукоряд.
Колочей хвои взрывчатая морось
Летит в огонь и сыплется за ворот,
И чёрных листьев искромётный ворох
Исходит в дым.

Вслепую, наугад
Мы ищем неба.
И вершины елей
Шатаются, удерживая еле,
Порывы туч.
А дым саднит глаза,
Сбивается,
Восходит в чудеса,
В мерцанье,
В темень,
К звёздной карусели...
И грустно возвращает нас назад,

И гаснет твой
Ещё счастливый взгляд,
Признав никчёмность
Выстраданной цели.

* * *

Дожди и травы
Уходили вправо,
А влево – пыль и высохший ковыль.
И выбегали горы,
И оравой
Кидались прямо в степь.
Автомобиль
Распутывал зигзаги серпантина.

И впереди –
Нежданно, беспричинно –
Как давнее,
Как выцветшее горе,

Взлетело
Море.

* * *

Чем отличается поэзия от прозы?..

Дождит ноябрь, а в декабре морозы.
На стёклах иней – голубая вязь,
А во дворе поскрипывает вяз.

Природа поэтична? И отлично!
Ну а тебе, какое дело – лично! –
До прозы, до поэзии и проч.?

Темно и скользко, но ещё не ночь.
Идти пешком, конечно, не с руки.
В автобусе прослушать матюки,
Сойти у ЧИПа, взять батон и чаю,
И, ног уже не чуя,
И не чая
Понять, о чём толкует РТР,
Поразмышлять – о Бродском, например,
Об Ивеншеве или Неподобе...

А снегопад,
В рабочей белой робе,
Идёт –
Сквозь январь и декабри
Шуршит себе,
И, что ни говори,
Созвучны с тишиной его верлибры.

И ты летишь, летишь за ними, ибо
Идти пешком, конечно, не с руки...
И снежат-вьюжат белые стихи.

Ник. Ивеншев – поэт и прозаик, член Союза писателей России, проживает в
станции Полтавской Краснодарского края.

Вадим Неподоба (1941-2005) – кубанский поэт.

ЧИП – вышедшая сегодня из употребления аббревиатура, первые буквы
словосочетания «частное индивидуальное предприятие». Была широко
употребима в России в 90-х годах.

* * *

Индейка, яблочный пирог, –
Американская диета!
А наш индюк вчера продрог,
Осип, охрип и занемог.
Но я, пожалуй, не об этом.

Я лишь о том, что Новый год
Пришёл в дождях, а было сухо.
Что «ящик» истоиво орёт,
И в уши лезет, воеет, прёт
Пустоголосая попсоуха.

Что старый сноб – кривой петух –
Стал как-то криво кукарекать,
И газ погас, и свет потух,
И занедужил наш индюк,
И надо за дровами ехать.

Всё, как всегда –
Ни в срок, ни в прок.
И слякоть
И зимы не видно.

И плачет яблочный пирог,
И киснет и горчит повидло.

* * *

Гроза в начале марта –
Это слишком!
Но сколько ты об этом ни долдонь,
Она гремит –
И неземной огонь
Шипящих молний рушится и брызжет!

Сугробы в панике!
И выброшены лыжи,
И круговерть,
И вздыбленная сонь –

И всё для нас,
И навсегда,
И с лишком...

И тонким силуэтом телевышка
Протягивает к радуге ладонь.

* * *

Судьба осталась там, за поворотом,
А время притаилось за углом.
И зимний холод, старый дуrolом,
Трещит в саду и лезет напролом,
Не ведая печали и заботы.

И руки отдыхают от работы,
Давно поняв – зачем ты,
Где ты, кто ты...

И время затаилось –
И кого-то
Всё ждёт,
Всё караулит за углом.

* * *

Огрызок лета, осени осколок,
Обмылок недоверчивой сердечности,
Спит на прилавке, вытянув конечности,
Базарный день, уставший от торговок.

И два полубомжа у павильона,
Не очень поспешавшие домой,
Заканчивают день свой выходной,
Пивную пену сдобрив самогоном.

Мелькают мытари – считают миллионы
В пустых лотках у местной мелкоты.
И гадят одинокие вороны.
И курят утомлённые менты.

* * *

Февральской оттепели чудо
Сверкнёт – и снова снег в глаза.
Опять блажит зима-зануда:
И гололёд, и чих-простуда,

А нам – всё Божия роса!
И по прогнозам – минуса
И время пить,
И бить посуду...

Весны охлынувшее чудо.
Зимы бесстыжие глаза.

* * *

Старые наши с тобою дела.
Что нам судьба ещё не отдала?..

Зимнее солнце
Грело приятно.
Невозмутимостью
Мир был объят, но
Я замечал, про себя отмечая,
Пешие ходки испуганных чаек.

Вот они, выплески близкого шторма!

Черти морские прочистили горла,
И, отделившись от моря, волна
Вынесла на берег вонь гальюна,
Запахи камбуза, одурь каната,
Всё, что ходило и плыло когда-то
По морю, по мокру, по глубине.
Всё, что давно отдыхает на дне.

Старые наши с тобою дела!

Что нам судьба ещё не додала?
Славы мирской
Да пучины морской.

Да за кормою – платок голубой.

* * *

Тропические листья клещевины,
Календула цветёт, а ночи длинны
И холодны. Заваривая чай,
Вдохни тепло, подумай-поскучай

О том, что дни темны,
А ночи длинны,
Что времени давно не через край,

Что впереди январь и даже май,
И первый снег на листьях клещевины,
И целый день,
И огоньки калины.

* * *

А здесь могли бы жить наяды,
Русалки – всем сетям назло.
Но тепловые перепады...
Бедняги, им не повезло.

А нам везёт! –
Речные блики
Хватают, тянут за весло.
Смотри, куда нас занесло...
Над нами виснет многоликий
Опасный лес!
Лесная нечисть,
Цепляясь, путаясь, калечась,
Грозит, спешит...

Но донесло
Далёкий звон, уже привычный,
И лай, и шум, и дым станичный.

Нас любят, нас, конечно, ждут!

И незаметно отстают
Лесные чудеса.
Небо тлеет,
Как тлело лет, наверно, сто...
На вёслах тина зеленеет.

И разорённое темнеет
На дне русалочье гнездо.

* * *

Да не введёт нас в искус внешний вид!
Да не обманет сладость содержанья!
Готовая к греху и покаянью,
Бутыль вина в углу подвала спит.

В её крови давно огонь горит.

К губам её припав в одно касанье,
Забудешь всё – и прочие лобзанья,
И боль, и голь,
И мелочность обид.

И сладкий стыд
Тебя благословит...

И да спасёт нас всех
И сохранит
Души и разума взаимопониманье!

* * *

Громыкает над степью
Сtereo
Гром-и-молний.
Была не была!
Оторвёмся!
А вот и дерево –
Одичавшее наше дерево
Постиженья добра и зла.

Птичий грай полыхнёт растерянно.

Два крыла твоих, два крыла!
Два крыла твоих цвета серого
За душой,
А в душе – зола.

Наше прошлое (дело прошлое!)
Забирая своё себе,
Умывает с собой хорошее,
Остальное – опять тебе.

И не верим мы, и не веруем,

А земля всё одно – кругла.
Старый дом, что сгорел дотла,
Вздымет плесень и пыль в углах,
И, конечно, откроет двери нам...

А над нами – была? Не была? –
Гром-и-молний тугая мгла.
Остаёмся – и все дела! –
Мы в своём неприятном времени.

В нашем вечно прошедшем времени
Одичанья добра и зла.

* * *

Отчаянье и страсть
В её цветах.
Её дыханье на твоих губах.
Ожоги поцелуев на руках.

Звенит коса,
Срываясь второпях.
На землю осыпается пыльца.

Крапива.
Утираю пот с лица.

* * *

Опять бесчинствуют и свищут
Над нами соловьи.
Насыщен
Их вдохновенным воздыханьем
Весенний воздух.
Воз дыханья
Изматывает бронхи.
Сердце
Распахнуто.
Душе раздеться
До наготы –
Всего чуть-чуть.

Он бесконечен, этот путь –
Путь простодушного признанья

Неоспоримости любви...

Цветёт крапива.
Соловьи
Зашлись в экстазе сострадания.

* * *

Уходим в великую схиму,
Меняем себя вообще,
Впуская понтийскую зиму
В привычный порядок вещей.

И море, на грани надрыва,
В свою нас включает игру,
И плавные волны отлива
Звереют на встречном ветру.

И с рёвом уносятся в даль, как
Гривастые белые львы...

И плещется небо на гальке.
И счастливы глупые мы.

* * *

С утра весь день я
Занят ленью.
Я на рыбалке.
У реки.

Мы чинно жарим шашлыки:
Углей бранчливое шипенье,
Безрыбье, заросли куги, –
Сиюминутной чепухи
Твои счастливые мгновенья!

Молчи. Дыши. И не моги
Строптиво полоскать мозги
В плескучих омутах терпенья:
Читать беду в глазах тоски,
Стирать портянки и носки
Своих грехов, и с отвращеньем
В газетах черпать вдохновенье

И мучить по ночам стихи...

* * *

Озноб земли,
Движение Земли!
Февраль и март себя превозмогли.
Телец-апрель покачивал рогами,
Устав от холода.
Скворцы прогноз ругали.

И мы сдались.
Мы, отступясь, признали:
Не знали, не сумели, не смогли...

А вечером – черешни зацвели.

* * *

Меняю безгласье на хаос,
Созвучья – на скрежет и вой!
Отдам за скрипучую старость
Два прытких крыла за спиной.
А чтобы ни сладу, ни ладу
Не вызреть – меняю, прозрев,
Мажорную суть листопада
На всхлипы и скрипы дерев.
И белую пену прибоя
Меняю на вьюги и льды...

Левкои. Цветёт коланхое.
Песчаные реки покоя.
И время – уже никакое –
Свои замечает следы.

* * *

Безликость звёзд,
Постаныванье ветра,
Царапины и ссадины дождя.
Потеет небо, тучи громоздя,
И нет хотя бы ржавого гвоздя
Ко лбу пришпилить
Тезисы ответа
На грубые вопросы бытия.

Мы снова разминулись.
Ты и я –
Лишь замысел,
Мы лишь наброски для
Заведомо печального проекта.

А та любви случайная комета,
Что выбрала нас, в общем-то, шутя,
Коптит себе на заданных путях,
Слетая к нам
Приметой в стиле ретро,
Стечением звёзд,
Поскрипываньем ветра,

Счастливой бестолковщиной дождя.

* * *

Бьёт по снегу босыми ногами
Тихий дождь –
Тайный вестник весны.
Он приходит, конечно, за нами,
Чтоб вернуть
В те далёкие сны,
В те забытые синие дали,
До которых – всего долететь!..
Мы не верим.
Мы слишком устали.
И совсем не хотим молодеть.
Нас давно образумила осень.
Нас давно приручила зима.
Ничего у дождя мы не просим,
Запирая сырые дома.
И ленивые наши надежды –
Скучный груз в круговерти забот.
Но печалит нас дождь
И, как прежде,
Воспечалив, куда-то зовёт.
Он кладёт свои руки на плечи
Обомлевшим от счастья садам,
И готовит,
Готовит нам встречу,
О которой не ведает сам...

Ещё холод стоит у порога,
Ещё снегом овраги полны.
Но бредёт по раскисшим дорогам
Старый дождь,
Старый вестник весны.

* * *

Вначале было слово.
Безусловно.
Любовь нетерпелива, суесловна.
Она всегда и счастье, и беда.
Мотор чихнёт, взревёт – и от винта!
И взлёт, и лёт, и небо, и – готово:
Без парашюта вниз... и всё так ново!..

Вначале, безусловно, было слово.
Всё остальное – позже. Иногда.

* * *

Нерасторопный и неспорый,
Но вот он выпал, первый снег...

И ты, с души сорвав запоры,
Через овраги и заборы,
Опережая рык и брех,
Летишь в охотничьем азарте,
Забыв, что это – первый снег!

Чтобы в апреле или марте,
Когда заплаканы луга,
Искать вчерашние снега,

Уже не помня
О фальстарте.

* * *

Наверно, где-то буря пронеслась
По краю неба.
Это ощущение –
Как бормотанье, как ночное чтение
Псалмов,

Как утешение и страсть.

И снова за окном столпотворенье
Докучливых дождей.
И возвращенья
Высоких бурь
Мы ждём и жаждем,
Не
Осознавая тайного значенья
Дождливой тишины в ночном окне.

* * *

Что спорить о вкусах,
Не сделав надкуса?
О вкусах не спорят –
Молчат и вкушают.
И верят, и лгут, и любить обещают.
А после – прощаются и уезжают.

Горячее море,
Халва и арбузы...

Что спорить о вкусах?

* * *

Деревья машут кронами,
Зовут
Созревшую над ними синеву,
Устойчивую зиму, холод синий.
А дождь нудит –
Ни летний и ни зимний.

Обманчив он и сбивчив,
Ход времён!

Пугая кривизной ладонных линий,
Несёт нас время вспять,
И стыл, и длинен
Нам этот путь.

И прошлое сквозь сон
Пустых дорог,

Где лёд и льдистый иней,
Нам машет кронами,

И в поисках его,
Разветренного счастья своего,
Мы ловим снег,
Мы под дождями стынем...

А что нас в прошлом ждёт?
А ничего.

* * *

Влечёт нас и пугает высота.
Мы смотрим вверх,
А небо смотрит вниз
И –
Кому повеем печаль
И чем воздам
Твоим следам?

Облезли и осклизли
Пустые стены.

Но какой бедлам
Творит нам ночь, теряя стыд и срам,
Нас повязав собою,
Чтобы там,
В развалинах любви, где хлад и хлам,
Найти
Ну хоть какой-то проблеск жизни!

* * *

Давно осенние – пусты
Кусты обломанной сирени.
Но – тени, сны...
И снохождение
Дождя, и мокрые цветы.

И дрогнешь, обернёшься ты!

И свяжешь порванные звенья
Того весеннего цветенья

Любви, сжигающей мосты:
Её беспечной слепоты,
Её извечной правоты...

И нестерпимой немоты
Её осеннего прочтения.

* * *

А розы гибнут от мороза.
Но что с того? – цветёт мимоза...

Весенний запах по утрам
Вбирает запахи харчевен,
И неразумен и плачевен
На крышах иней по утрам.

И сам собой приходит день,
И полдень, всё ещё холодный,
Скрипит ключинами лодки,
Само собою, каждый день.

И явь прозрачна и легка,
И небо ветрено слегка,
И облака,
И крылья – вёсла,

И ничего ещё не поздно.

* * *

Скучают жухлые растенья,
Устав от летней пестроты.
Не держат прежней высоты
Сверчков дневные песнопенья.

Прохладной ночи. Постарев,
Трезвеет лето. Глубже тени
На кольцах летоисчислений
У комлей спиленных деревьев.

Всё возвращается на круги.
И наши будущие вьюги
Судьбою общей внесены

В твою судьбу.
И нет вопросов.

И лишь смолы сухие слёзы
На комлях с южной стороны.

* * *

А где-то хмыкала незапертая дверь.
А где-то хлюпала оборванная ставня.
Нам прошлое понятно лишь теперь.
Но ты поверь, ты всё-таки поверь
В краплёную правдивость прорицанья!

Давно сюда не ходят поезда.
Здесь ходит жерех и куга не кошена.
Пылит полова крошевом из прошлого
И книжной пылью пахнет береста.

И всё путём.
А время – ерунда.
И пусть уходит.
И – всего хорошего...

* * *

Взметнулся в полный рост
Над степью мост –
Стремителен,
Воздушен и возвышен.
Грядёт гроза –
И дождь о том наслышан,
Но небо молчаливо, как погост.

И радуги дуга – пока мы немы –
Плетёт свои беззвучные фонемы
Цветных объёмов, цветовых полей.
А дождь уже кропит нам свой елей
На так и не залеченные раны.

Грядёт гроза –
Летит на крыльях рваных,
И нет её вольнее и грозней!
И нет её вернее и нежней –

Над пустотою рек,
В предзимье раннем,

Где вьюжных молний
Вольтова дуга
Соединила наши берега...

* * *

Всё чаще
Нам снятся дремучие травы,
Дремотные чащи.
Всё чаще корявый,
Распятый, истерзанный,
Сгибнувший лес
Под окнами бродит.
И манна небес
Касается губ первоснежной прохладой.

И с памятью той никакого нет сладу!

Тревожит,
Треножит
Средь бед и забот, —

Как будто поможет,
Как будто спасёт...

* * *

Степь ночью подражает небу:
Темна, черна и мало звёзд.

Сверкнёт созвездие берёз,
Погост, часовня — и свирепо
Степь вяжет снова чёрным крепом
Зрачки машин.

И стон цикадный
Свою пронзительную боль
Несёт меж небом и собой,
Сгущая темь, назад, обратно, —
В молчанье,
Во вчерашний день,

В слепую безоглядность, где
Так обречённо и нескладно
Вершится утро.

* * *

Колдует над деревьями зима.
Снег на ветвях. Снега и синева.

Мы с возрастом и гибче, и мудрее,
И осмотрительней.
Но в трезвости ума
Наивную мечту, что жизнь сама
Себя поймёт,
Мы всё-таки лелеем.

И верим, что легко преодолеем
Свой тесный век,
И здравый смысл презрев,
До мудрости заснеженных деревьев –
Вернёмся –
И когда-нибудь дозреем...

* * *

Дневные мысли покидают голову.
Уходят –
Непричёсанные, голые,
В репьях,
В ошмётках семечной лузги.
Освобождают потные мозги.

И празднует душа свою свободу!..